

— Мама, я знаю все...

Пока он обувался, Лидия Макаровна рассказала:

— Слышу, вдруг кто-то стучит в дверь. «Заходите», говорю. И вот открывается дверь, вижу — входит какой-то человек, поздоровался и остановился у двери. «Что вам нужно?» спрашиваю. А он: «Лидия Макаровна, не узнаете меня? Я партизан. Меня преследуют. Я в вашей власти теперь. Можете спрятать меня, а можете...» Я не дала ему договорить, кинулась целовать. Помогла ему раздеться, усадила поест, а сама — к вам... Ну, беседуйте.

И Лидия Макаровна вышла.

Невесел был рассказ Олега. За эти десять дней много узнал он горя и страданий.

Со своей пятеркой он был почти у линии фронта, но пробраться к своим не удалось. Полиция и жандармерия следили за каждым штатским, при малейшем подозрении арестовывали и бросали в концлагери. Там — страшные муки и смерть ждали каждого. Здоровых мучили голодом и холодом, слабых бросали в ямы, обливали бензином и живыми сжигали.

— Мама, родная моя, нет сил смотреть на все это! Знаешь, мне все Корчагин вспоминается... его путь. Хорошо, мама, я тоже пройду через все и не сдамся! Буду, пока жив, бороться до конца!

Только теперь разглядела я, как был измучен Олег. Скулы обострились, в громадных глазах за густыми ресницами стояло страдание. Но вдруг он выпрямился и сказал со страстной горечью:

— Никак не могу простить себе, что уступил тогда и не взорвал дирекцион! С такими, как немцы, в борьбе нужно идти до конца. А как все у нас было подготовлено! Дело прошлое — скажу. Взрывчатку уже заложили под лестницу, провели шнур. Достали билет для Пирожка. Он должен был войти в школу и зажечь шнур. Сережа Тюленин, Вла-